

С. А. ВЕНГЕРОВ, КАК ПРОФЕССОР И РУКОВОДИТЕЛЬ ПУШКИНСКОГО СЕМИНАРИЯ.

I

В декабре 1896 г. Семен Афанасьевич был допущен Министерством Народного Просвещения к чтению лекций по истории русской литературы в Петроградском Университете в звании приват-доцента с весеннего полугодия 1897 г. ¹⁾ Начал он чтение лекций в осеннем семестре этого года, прочитав 24-го сентября вступительную лекцию: «Основные черты истории новейшей русской литературы», в которой повторил высказанное в предисловии к его «Истории новейшей русской литературы», вышедшей в 1885 г. и уничтоженной по постановлению Комитета министров ²⁾. Эта первая университетская лекция Семена Афанасьевича очень характерна для его духовного облика; здесь ярко выявилась одна из основных черт его духовной природы — эмоциональность, восторженность, страстная любовь к русской литературе, пламенное поклонение ей. «Новейшая русская литература, — говорил здесь Семен Афанасьевич, — не только замечательное само-

¹⁾ Обрисовывая деятельность Семена Афанасьевича, как приват-доцента, затем профессора, кроме печатных источников: «Отчетов о состоянии и деятельности С.-Петербургского Университета» и «Автобиографии С. А. Венгерова», изданной в 1920 г., ко дню его 65-летия, в количестве 50-ти экземпляров, сотрудниками Российской Книжной Палаты (ныне Петроградского Института Книговедения), я пользовался его личными бумагами, перешедшими после его смерти, вместе с его Литературно-Библиографическим Архивом, в Институт Книговедения. Приношу Институту глубокую благодарность за разрешение использовать эти ценные материалы.

²⁾ Об этом см. статью Р. Кантора — «Боевое крещение С. А. Венгерова», напечатанную в 1920 г., в № 10 (22) «Вестника Литературы».

по себе явление, но она самое замечательное явление русского духа. Вся совокупность стихийных и исторических условий, которая создала широкий размах русского душевного склада, ярче всего выразилась в литературе. В силу своеобразного положения русской интеллигенции, вследствие малой культурности окружающей среды, принужденной замыкаться исключительно в сфере интеллектуальных интересов, — в силу этого разлада русская литература есть центральное проявление русского духа, фокус, в котором сошлись лучшие качества русского ума и сердца. Нигде она не является таким исключительным проявлением национального гения, как у нас... Такое центральное положение русской литературы не могло не сообщить ей особенностей, резко отличающих ее от литературы других европейских народов. Главная из них та, что наша литература никогда не замыкалась в сфере чисто-художественных интересов и всегда была кафедрой, с которой раздавалось учительное слово. Все крупные деятели нашей литературы в той или другой форме отзывались на потребности времени и были художниками-проповедниками». Смотри так на русскую литературу, Семен Афанасьевич сводил историю ее: 1) к истории смены идей и настроений, волновавших русское общество, и 2) к указанию взаимодействия между общественной жизнью и литературой. «История новейшей русской литературы, — замечал Семен Афанасьевич, — не может ограничиться одною эстетическою сферой. Она должна быть историей идей и взаимодействия русской литературы и русской общественности. Можно разное к этому относиться, можно возмущаться этим взаимодействием с точки зрения «чистого» искусства или можно, напротив того, восторгаться такою близостью искусства к потребностям времени. Но понять ход новейшей русской литературы можно только путем параллельного ознакомления с русской общественностью».

Этой вступительной лекцией в университете Семен Афанасьевич очень дорожил, перепечатав ее несколько раз ¹⁾, несомненно потому,

¹⁾ «Основные черты истории новейшей русской литературы» первоначально были напечатаны в 1898 г. в «Вестнике Европы» (кн. III), в 1899 г. появились отдельной брошюрой, в 1907 г. были перепечатаны в «Очерках по истории русской литературы» (два издания), в 1909 г. вышли отдельной брошюрой, 2-м изданием, в 1911 г. перепечатаны с дополнениями в «Героическом

что здесь он окончательно формулировал свои взгляды на русскую литературу и задачи ее изучения, взгляды, которые, как отмечено выше, он высказал еще в 1885 г. и которым в основе оставался верен всю свою жизнь, не только как историк литературы и критик, но и как преподаватель высшей школы. Таким образом, Семен Афанасьевич уже в первом своем выступлении с университетской кафедры выявил себя человеком с определенной литературно-общественной физиономией. Эта общественность явилась нервом и дальнейших его лекциях в университете в 1897—1898 академическом году, посвященных эпохе Белинского ¹⁾. Проявить себя, как университетского преподавателя, в полной мере Семену Афанасьевичу тогда не удалось: на втором году его преподавательской деятельности в университете ему пришлось ее оставить. Яркая общественная физиономия, характер его лекций, популярность среди студентов обратили сразу же внимание Министерства Народного Просвещения, и в июле 1899 г. Семен Афанасьевич был уволен из университета по распоряжению назначенного в 1898 г. министром народного просвещения Н. П. Боголепова, как «политически неблагонадежный» вместе с профессорами: И. М. Гревсом, Н. И. Кареевым и Н. М. Книповичем. По этому поводу Кассой Взаимопомощи студентов был поднесен Семену Афанасьевичу, повидимому, 8-го февраля 1900 г., в годовщину университета, адрес, сохранившийся среди его бумаг. В виду исторического интереса адреса, приводим его полностью: «Глубоко возмущенные актом произвола и насилия, совершенным русским правительством, мы, представители организованной части Петербургского студенчества, считаем своим долгом выразить Вам, Семен Афанасьевич, свое глубокое сочувствие, как служителю свободной науки, ненавистной правительству, стремящемуся изгнать из стен Университета все проявления независимой мысли и обратить его в фабрику чиновников. Поэтому мы приветствуем Вас в день праздника науки, за бескорыстное

характере русской литературы», составляющем I том «Собрания сочинений С. А. Венгерова» (2-е изд., Спб., 1919). «Основные черты истории новейшей русской литературы» были переведены в 1899 г. на немецкий язык и в 1912 г. на чешский.

¹⁾ Эти лекции появились в литографированном издании студента *Б. М. Городецкого* в 1897 г. Часть их, под заглавием: «Эпоха Белинского», вышла отдельной брошюрой в 1905 г., 2-е издание появилось в 1915 г., 3-е — в 1919 г.; перепечатано в 1907 г. в «Очерках по истории русской литературы».

служение которой Вы подверглись насилию со стороны правительства».

Вновь Семен Афанасьевич получил возможность возобновить свою преподавательскую деятельность в Университете лишь через семь лет, в октябре 1906 г., когда был вновь утвержден приват-доцентом Петроградского Университета. Обременение в то время всевозможною литературною и общественною работою не позволило ему тотчас же начать занятия в университете. Возобновил Семен Афанасьевич преподавательскую деятельность в университете только весною 1908 г., учредив Пушкинский семинарий. Чтение лекций в университете он начал осенью 1908 г. 15-го мая 1910 г. Семен Афанасьевич был избран профессором истории русской литературы в Психо-Неврологическом Институте, 18-го мая того же года — на Петроградских Высших Женских Курсах.

С апреля 1908 г. я, состоя студентом университета, стал личным секретарем Семена Афанасьевича, сблизился с ним, и вся его деятельность в высшей школе прошла на моих глазах. Стоя близко к Семену Афанасьевичу, я был свидетелем необычайно строгого и серьезного отношения его к своей лекторской деятельности. Он тщательно готовился к каждой лекции, составлял часто подробный конспект ее, а иногда писал ее целиком. Семен Афанасьевич тщательно готовился к лекциям не только в начале своей преподавательской деятельности в высшей школе, но и до конца своей жизни. Даже в последние годы его жизни я часто заставлял его за перечитыванием романов Тургенева, Достоевского, Толстого, которые он освежал в памяти перед чтением лекции. Готовился он не только тогда, когда должен был выступить пред большой аудиторией, пред слушателями с повышенным уровнем и требованиями, или пред студентами, но и тогда, когда после революции 1917 г. читал популярные лекции для рабочих и матросов. Помню, один раз я застал Семена Афанасьевича за чтением Крылова, другой раз — Некрасова, причем он делал отметки в книге, выписки. Оказалось, что Семен Афанасьевич готовился к лекциям для рабочих и матросов. Меня всегда поражала эта тщательная подготовка его ко всем без различия лекциям — и Семен Афанасьевич в назидание мне постоянно говорил, что всякий лектор всегда, при всех условиях должен подготовиться к каждой лекции, и обычно рассказывал, как он на одном вечере встретился с

А. Н. Веселовским в последние годы его жизни, который перед самым ужином, около 12 часов ночи, поднялся и, несмотря на настойчивые уговоры хозяев и всех присутствующих остаться, ушел, твердя: «У меня завтра лекция... Нужно подготовиться...» Другой характерной чертой Семена Афанасьевича, как лектора, было то, что лекции отнимали у него много душевной энергии, всегда до лекции и во время ее он волновался, нервничал, не умел овладеть волнением, и это легко можно было заметить слушателям. Это волнение никогда не покидало Семена Афанасьевича, какую бы и кому бы он ни читал лекцию.

В своих университетских лекциях Семен Афанасьевич проявлял свойственную ему большую эрудицию и давал слушателям серьезные знания. Читал лекции Семен Афанасьевич очень живо, волнуясь; они были проникнуты энтузиазмом, горячей любовью к русской литературе, доходящей до пламенного поклонения ей. Все это заражало студентов, передавалось им, возбуждало в них живой интерес к литературе, любовь к ней. В этом отношении роль Семена Афанасьевича была громадна, он культивировал в студенчестве литературные интересы, любовь к литературе, сумел увлечь ею многих студентов. Помимо этого, лекции Семена Афанасьевича имели еще одно важное значение. Один из самых пламенных критиков и историков литературы-общественников, Семен Афанасьевич в своих лекциях, как и в литературных трудах, очень много и горячо говорил об общественной стороне русской литературы, являлся пламенным проповедником прогрессивных общественных идей. Это сообщало его лекциям общественный интерес, они создавали общественное настроение, являлись тем материалом, на котором вырабатывалось общественное миросозерцание студенчества. И этот материал особенно был ценен тем, что Семен Афанасьевич был человеком с широким общественным миросозерцанием, проникнутым прогрессивным, демократическим духом, но свободным от какой-либо узкой партийности, политической нетерпимости.

II

Еще большее значение, чем лекции, имел учрежденный и руководимый Семеном Афанасьевичем Пушкинский семинарий. Мысль учредить именно этот семинарий возникла у него в связи с его

работой над Пушкиным. «Когда я в январе 1908 г. объявил в университете семинарий: «Пушкин, история его жизни, творчества и текста», — говорил Семен Афанасьевич в предисловии к первому выпуску «Пушкиниста» (стр. VII), — я это сделал просто в силу того, что сам усердно работал тогда над большим комментированным изданием Пушкина. Я весь был погружен во всякого рода подготовительные работы, у меня была собрана вся Пушкинская литература, было множество фотографий Пушкинского текста и т. д., и мне, таким образом, легко было руководить занятиями участников семинария». Объявив Пушкинский семинарий в январе, Семен Афанасьевич не был уверен в успехе его, сомневался в том, может ли такой специальный семинарий привлечь студентов, да еще в середине учебного года, когда все студенты распределили свои занятия и работали в разных семинариях. Об этом он советовался даже со мною — тогда молодым студентом — зная, что я принимаю деятельное участие в студенческой жизни и хорошо знаю всех студентов-словесников, их интересы и работу. Как я ни убеждал Семена Афанасьевича, что его семинарий вызовет интерес у студентов, привлечет их, он не поколебался в своем сомнении и, как рассказывал в предисловии к I выпуску «Пушкиниста» (стр. VII), был убежден, что в семинарий запишется человек 6—7. Он так был уверен в этом, что первое заседание семинария назначил 6-го марта у себя на квартире. Семен Афанасьевич был очень удивлен и обрадован, когда в семинарий записалось более 30 студентов, которые в первое заседание буквально наполнили его небольшую квартирку на Разъезжей улице. Он с семьей тогда жил на Загородном проспекте, на Разъезжей улице была его рабочая квартира, вся заставленная шкапами и полками с книгами и коробками с библиографическими карточками. Особая комната была отведена для Пушкина, над изданием которого он тогда работал; в ней было размещено богатейшее Пушкинское собрание: снимки с рукописей Пушкина, сочинения его, начиная с первых изданий, кончая самыми поздними, почти вся обширнейшая Пушкинская литература — книги, брошюры и газетные вырезки о нем, большая коллекция его портретов и иллюстраций к его произведениям. Таким образом, мы, молодые студенты, попали в настоящий литературный музей, в рабочую научную лабораторию, где все говорило о пламенной любви хозяина к русской литературе и ее царю — Пушкину. Это

имело большое психологическое значение, сразу же создало в нас радостное рабочее настроение и глубокое уважение к нашему руководителю, которого большинство участников семинария видело в первый раз. К сожалению, создавшееся прекрасное настроение, очарование было разбито. Только что мы собрались, как швейцар дома, обеспокоенный, что у Семена Афанасьевича собралось так много столь опасных тогда людей, как студенты, немедленно дал знать в местный участок, и на квартиру его нагрянул пристав с двумя околоточными, предполагая, очевидно, накрыть нелегальное собрание. Увидевши, что мы мирно занимаемся Пушкиным, пристав сконфузился, но тем не менее на замечание Семена Афанасьевича, что собрание разрешено ректором университета, заметил с иронией, что в Петрограде хозяин — градоначальник, который один только может разрешать какие бы то ни было собрания, и корректно, но твердо потребовал разойтись. Попытки Семена Афанасьевича снестись по телефону с градоначальником не увенчались успехом, и мы, только что раскрыв книги, принуждены были разойтись. Этот комический эпизод, к сожалению, лишил нас возможности заниматься на квартире Семена Афанасьевича, в его рабочей лаборатории, иметь под руками все нужные книги и даже множество снимков с Пушкинских рукописей, находиться под обаянием Пушкинской атмосферы. Занятия семинария пришлось перенести в голые стены университета. На первых трех заседаниях семинария Семен Афанасьевич дал обширное «Введение в изучение жизни, творчества и текста Пушкина», затем следовало объяснение тем для рефератов, занявшее четыре заседания. Чтение рефератов началось в осеннем семестре 1908 г. Работа в Пушкинском семинарии сразу же пошла интенсивно, прервалась она только в первой половине 1911 г., когда была студенческая забастовка, но затем снова живо продолжалась.

До учреждения Семеном Афанасьевичем в 1908 г. Пушкинского семинария студенты-филологи, имевшие литературные склонности и интересовавшиеся историей русской литературы XIX века, группировались около профессора А. К. Бороздина и даже носили особую кличку: «бороздиновцы». Лектором он был плохим, читал лекции без подъема, одушевления, обычно по печатным разорванным листкам своих «Литературных характеристик», и лекции его посещались мало, но его семинарские занятия, происходившие у него на квартире,

собирали много студентов. Человек с хорошей душой, добродушный, приветливый, глубоко любящий студентов, Александр Корнилович сумел сплотить их около себя, создать доброе к себе отношение, заинтересовать своим семинарием. Среды, когда происходили семинарские занятия у Александра Корниловича, были вообще его приемным днем, и у него собирались бывшие его слушатели и участники семинария, добрые друзья и знакомые — Е. В. Аничков, П. Е. Щеголев, Р. В. Иванов-Разумник и другие исследователи литературы. Таким образом, происходило общение молодых студентов со старшим поколением, с работниками в области изучения литературы. Занятия шли в семинарии живо, студенты с увлечением работали над разными вопросами, доклады вызывали живые, часто горячие прения. Вот эта-то дружно сплотившаяся около Александра Корниловича группа студентов, любящих новую русскую литературу, интересующихся ею, среди которых были уже заявившие себя печатными работами, и составила основное ядро семинария Семена Афанасьевича.

По мере того, как участники Пушкинского семинария с окончанием университета покидали семинарий, хотя многие и не порывали связей с ним, он в своем составе постоянно пополнялся новыми силами. Для каждого обновленного состава семинария Семен Афанасьевич обычно делал обширное «Введение в изучение жизни, творчества и текста Пушкина». Семен Афанасьевич любил называть участников семинария «пушкинистами первого призыва», «пушкинистами второго призыва» и т. д. Составив ядро семинария, «пушкинисты первого призыва» сделались ближайшими учениками Семена Афанасьевича, к ним он относился почему-то с пристрастием, любил больше, чем позднейших своих учеников, хотя и очень высоко ценил способности и работы некоторых из них. Пушкинский семинарий всегда привлекал значительное число студентов. Очень характерным для семинария было то, что в нем принимали участие бескорыстно многие студенты-филологи, уже имевшие зачеты и не заинтересованные в получении их, и даже студенты других факультетов — юристы и естественники.

В 1910 г. Семен Афанасьевич учредил Пушкинские семинарии на Петроградских Высших (Бестужевских) Женских Курсах и в Психо-Неврологическом Институте. Эти семинарии, так же, как и в университете, привлекли значительное количество участников.

По напечатанной в 1-м и 2-м выпусках «Пушкиниста» «Летописи Пушкинских семинариев» можно установить количество заседаний, докладов и участников семинариев, к сожалению, только до середины 1915 г., до которой доведена «Летопись». В Пушкинском семинарии и университете за 1908 — 1915 г.г. состоялось 113 заседаний, на которых было сделано 63 студенческих доклада, кроме докладов и сообщений Семена Афанасьевича, в работе семинария в той или иной степени принимало участие 268 студентов. В Пушкинском семинарии на Высших Женских Курсах за 1911 — 1915 г.г. состоялось более 50 заседаний, на которых было сделано 46 докладов, в работе семинария в той или иной степени принимали участие 319 слушательниц Курсов. В Пушкинском семинарии в Психо-Неврологическом Институте за 1911 — 1913 г.г. состоялось более 20 заседаний, на которых было сделано более 19 докладов. В этом семинарии за указанные годы было около 30 постоянных участников, вообще же заседания посещало иногда более 100 человек. При Пушкинских семинариях Семеном Афанасьевичем были организованы специальные Пушкинские библиотеки, значительно облегчившие работу участников семинариев. Первым щедрым вкладчиком в библиотеки явился сам Семен Афанасьевич, который кроме того энергично хлопотал о получении книг от учреждений, издательств и частных лиц.

Успех Пушкинского семинария в значительной степени был обусловлен умением Семена Афанасьевича зародить в студентах интерес к Пушкину, передать им свою горячую любовь к нему, преклонение перед ним. Наряду с этим, Семен Афанасьевич умел каждого побудить к работе, обладал редким даром сразу же определить силы и способности каждого участника семинария, вызвать его на активность, дать каждому работу по его силам и способностям, как бы они ни были ограничены, поощрить ее. Говоря в предисловии к первому выпуску «Пушкиниста» (стр. XV) о напечатанных в нем «Темах, предложенных Пушкинским семинарием в 1913 — 1914 уч. году», Семен Афанасьевич замечал: «ни в самых темах, ни в тех отправных пунктах, которые в них намечены, нет ничего обязательного. Рядом с темами, предлагаемыми мною, дается широкая возможность писать на всякого рода «вольные» Пушкинские темы и разобрать какие-угодно стороны биографии и творчества Пушкина. Я своими темами и вехами прихожу на помощь только

начинающим, не знающим, на чем остановиться». В этих словах Семена Афанасьевича выразилось основное правило его, как руководителя Пушкинского семинария. Действительно, Семен Афанасьевич никогда не ограничивал самостоятельности участников семинария, никогда не стеснял их определенными заданиями, давая полный простор развитию индивидуальных интересов и способностей.

Одной из характерных черт духовного облика Семена Афанасьевича являлась необычайная чуткость ко всем новым проблемам и запросам, выдвигаемым в жизни, политике, литературе. Это проявилось в нем и как руководителе Пушкинского семинария. Когда среди участников семинария в университете обнаружилось увлечение изучением литературной формы, Семен Афанасьевич, для которого всегда на первом плане стояло идейное содержание литературного произведения, его общественное значение, не отнесся к этому увлечению враждебно, а, наоборот, постарался пристально взглянуть на него, вдуматься и дал полный простор его выявлению. В высшей степени ценны для характеристики Семена Афанасьевича, как профессора, руководителя студентами, IX — X страницы предисловия ко 2-му выпуску «Пушкиниста», на которых он говорил об увлечении участников семинария изучением формы художественных произведений, старался вдуматься в это увлечение, понять психологические причины его, разобраться в нем, найти ценное, плодотворное. Несомненно, что если Семен Афанасьевич имел большое влияние на своих учеников, то и, наоборот, они возбудили в нем интерес к форме, который ранее в нем был развит мало. Таким образом, произошло взаимное воздействие, что так ценно в научной университетской работе, что органически сплавляет одно поколение с другим, учителей с учениками. Давая полный простор в выборе тем для рефератов, полную свободу выявлению индивидуальности, Семен Афанасьевич умел совершенно незаметно направлять работу, руководить ею, удерживать от крайних увлечений, способствовать выработке научно-исследовательской осторожности и скептицизма. Так как Семен Афанасьевич давал полный простор и свободу участникам семинария, так как в него входили люди с разнообразной степенью талантности, различной историко-литературной подготовленностью, рефераты, прочитанные в семинарии, были разнообразны по своим задачам, характеру и объему. Были рефераты на узкие темы, например,

об отдельных произведениях Пушкина или отдельных моментах его биографии, были и рефераты на обширные и сложные темы, как, например: Б. М. Энгельгардта «Историзм Пушкина и его общественная идеология» (Университет, 1912—1913), М. И. Лопатто «Стилистический анализ Пушкинской прозы» (Университет, 1915), Е. Г. Кислицыной «К вопросу об отношении Пушкина к религии» (Высш. Женск. Курсы, 1913) и, др. Были рефераты чисто ученические по своей теме, задачам, приемам, представляющие лишь добросовестную компиляцию, но преобладали рефераты серьезные, в которых авторы проявляли в той или другой степени эрудицию, научную критичность, самостоятельность; много было рефератов, которые посвящались вопросам, совсем не разработанным или мало освещенным в Пушкинской литературе, как, например, прочитанные в семинарии университета: В. В. Буша «Стихотворения Пушкина 1818—1819 г.г. со стороны текста» (1908), Б. М. Чистякова «Текст мелких стихотворений Пушкина 1821—1823 г.г.» (1910), А. Л. Бема «Пушкин и Шатобриан» (1910), А. А. Тамамшева «Опыт анализа осенних мотивов в творчестве Пушкина» (1913), А. А. Попова «Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века» (1913), А. С. Полякова «Пушкин и Пнин» (1913), Н. В. Измайлова «Кружок московских шellingианцев и его отношение к Пушкину» (1913—1914), А. А. Попова «Вопрос о принадлежности Пушкину четырех сомнительных стихотворений» (1914), Ю. Г. Оксмана «Фрагменты драмы о паписсе Иоанне» (1914), Ю. Г. Оксмана «К истории текста романса о Рыцаре бедном» (1914), Н. В. Яковлева «Пушкин и Вильсон» (1914), Д. И. Выгодского «Фонетический анализ «окончания» «Русалки» сравнительно со стихом Пушкина» (1914), Г. В. Маслова «Разбор архитектоники и стиха «окончания» «Русалки» сравнительно с подлинными произведениями Пушкина» (1914), Ю. Г. Оксмана «Строфы Пушкина о дожде и догарессе» (1915), С. М. Бонди «Новые строки из «Домика в Коломне» (1915), М. И. Лопатто «Стилистический анализ Пушкинской прозы» (1915), Н. В. Яковлева «Пушкин, Боульс и Бари Корнуоль» (1915), Г. А. Елачича «Стихотворные переводы из Боульса и Б. Корнуоля» (1915), Ю. Г. Оксмана «Мнимые стихотворения Пушкина» (1915), И. Е. Евдокимова «Современник» Пушкина» (1915), Г. В. Маслова «Цезура в Пушкинском пятистопном ямбе» (1915), Ю. Г. Оксмана «Пушкин и Леонар» (1915), Г. В. Маслова

«О стих.: «Счастлив, кто близъ тебя, любовник упоенный» (1915). Кроме докладов, ценных тем, что они были посвящены вопросам совсем не разработанным или мало освещенным в Пушкинской литературе, были ценные доклады, темами которых служили вопросы, привлекавшие ранее внимание многих лиц, как, например, прочитанные в университете доклады: А. С. Искоза-Долянина «Цыганы» (1909) и В. А. Краснова «Пушкин и Байрон» (1911—1912).

В большинстве доклады представляли по объему небольшие работы, но некоторые из них являлись обширными трудами, чтение которых заняло несколько заседаний, как, например: Б. М. Энгельгардта «Историзм Пушкина и его общественная идеология» (Универс., 1912—1913, семь заседаний); Н. В. Яковлева «Пушкин и Вильсон» (Анализ «Пира во время чумы») (Универс., 1914—1915, пять заседаний); В. А. Краснова «Пушкин и Байрон» (Унив., 1911—1912, четыре заседания); Н. М. Колобовой «Пушкин и античность» (Высш. Женск. Курсы, 1911—1912, четыре заседания); А. Г. Фомина «Пушкин и Байрон» (Универс., 1910, три заседания), О. Я. Рабиновича-Ларина «Пушкин в Лицее и его лицейские стихотворения» (Психо-Неврол. Инст., 1912, три заседания), Н. М. Колобовой «Природа в поэзии Пушкина» (Высш. Женск. Курсы, 1913, три заседания); Н. В. Измайлова «Кружок московских шеллингианцев и его отношение к Пушкину» (Унив., 1913—1914, три заседания). На каждом заседании Пушкинского семинария в Университете велся обстоятельный протокол его, в котором подробно записывались не только сущность доклада, но и прения. Семен Афанасьевич придавал большое значение этим протоколам и имел в виду извлечение из них напечатать в «Пушкинисте».

III

Семен Афанасьевич не только стремился заронить в своих учениках интерес и любовь к Пушкину, побудить каждого участника Пушкинского семинария к работе, поощрить ее, но и пытался объединить студентов в такой общей посильной для большинства их работе, которая имела бы не только чисто педагогическое значение, но и общенаучное, являлась бы вкладом в Пушкинскую литературу.

Это была одна из наиболее замечательных черт Семена Афанасьевича, как профессора, руководителя Пушкинского семинария. «Я всегда смотрел на университетский семинарий, — говорил Семен Афанасьевич, в предисловии к первому выпуску «Пушкиниста» (стр. XVIII), — не только как на учреждение специально-учебного назначения. Мне всякое собрание студентов всегда представляется собранием молодых научных сил, которые не трудно направить по такому пути, идя по которому не только достигаются цели школьные, цели первоначального усвоения, но, вместе с тем, может быть что-нибудь сделано и для привнесения в науку. Нужно только поставить работу, по возможности, не сложно». Такой взгляд Семена Афанасьевича имел очень благотворные результаты; задуманные им общие работы спланировали студентов, привлекали к ним самые инертные натуры, имели большое психологическое значение, подымали настроение, чувство личного достоинства, пробуждали в студентах сознание, что и они, несмотря на молодые годы, уже, по мере своих сил, могут вступить в общую семью научных работников.

Первой, задуманной Семеном Афанасьевичем в 1908 г. общей для всех участников Пушкинского семинария в университете работой было составление словаря Пушкинского поэтического языка. Эту работу Семен Афанасьевич считал очередной, важнейшей задачей пушкиноведения, придавал ей громадное значение. «В настоящее время, — говорил он в предисловии к первому выпуску «Пушкиниста» (стр. XV — XVI), — все наши суждения о поэтических достоинствах Пушкина, как и всякого вообще поэта, более или менее висят в воздухе, не имея под собой никакой почвы, кроме интуиции. Мы постигаем красоты Пушкина, как и всякую иную красоту, врожденным эстетическим чувством. Руководитель, конечно, хороший, потому что эстетическое постижение, как акт исключительно эмоциональный, только путем интуитивным и иррациональным и создается. Но вместе с тем сколько места для самой крайней субъективности, для суждений не только совершенно произвольных, но, самое важное, случайных, подверженных разным колебаниям вне всякой связи с остающимся неизменным объектом суждения. Словарь языка поэта в значительной степени устраняет этот элемент случайности в суждениях, если не о достоинствах, то во всяком случае о свойствах. Мы сейчас говорим об образности Пушкина, о ясности его, гармо-

ничности и т. д. Говорим верно, конечно, но бездоказательно, говорим потому, что все это «чувствуется». Имея в своем распоряжении все слова, с помощью которых поэт достигает очарования, мы, конечно, тоже самой тайны очарования не постигаем, потому что дело не в словах, а в их сочетании. Но, все же, мы получаем тогда совершенно объективный материал в помощь нашему эстетическому субъективизму». Считая, что словарь Пушкинского языка даст прочный и надежный материал для характеристики поэзии Пушкина, ее свойств и определения ее эстетического значения, Семен Афанасьевич с жаром отнесся к этой своей мысли и сразу энергично двинул работу. Увлеченный мыслью выполнить при помощи участников Пушкинского семинария работу, которая бы сплотила их, имела бы чисто научное значение и явилась бы вкладом в изучение Пушкина, Семен Афанасьевич осторожно подошел к осуществлению этой мысли, понимал, что нельзя переоценивать сил студентов, забывать разнообразие подготовки участников семинария, что только тогда можно достичь хороших результатов, если поставить работу так, чтобы она была по силам рядовому участнику семинария. Учитывая это, Семен Афанасьевич имел в виду при помощи всех участников семинария подготовить только материал для словаря Пушкинского поэтического языка, материал, который должен был подвергнуться проверке и дальнейшей обработке уже более подготовленных участников семинария. В соответствии с этим Семеном Афанасьевичем была намечена в общих чертах программа составления словаря Пушкинского поэтического языка, окончательно детально разработанная и приготовленная к печати особой комиссией, в которую входили: В. А. Краснов, М. Л. Лозинский, В. А. Сидоров и А. Г. Фомин¹⁾. Учитывая указанные обстоятельства, программа наметила в первой стадии работы элементарную задачу, вполне доступную каждому участнику семинария, требующую только добросовестности и внимательности, но ни какой-либо особой подготовленности, квалификации. Основными заданиями программы были следующие: на отдельных карточках

¹⁾ Программа эта была первоначально издана отдельной брошюрой под заглавием: «Пушкинский Семинарий при Спб. университете. Под руководством С. А. Венгерова. Вып. I. Программа составления словаря поэтического языка Пушкина». Стр. 8, Спб., 1911, и затем перепечатана в «Пушкинисте», вып. I., Спб., 1914, стр. 223 — 232.

выписывалось каждое слово каждого стихотворения Пушкина, начиная с первых, в той самой форме, в какой это слово встречается в стихотворении; на каждом слове ставилось то ударение, с которым оно входит в стихотворение; слово, представляющее рифму, подчеркивалось два раза, и рядом с ним ставились в скобках в последовательном порядке рифмующие с ним слова; затем указывалась часть речи, основная и данная грамматическая форма, №, под которым данное стихотворение помещено в издании, отредактированном Семеном Афанасьевичем, № стиха и, наконец, приводилась полностью та строка стихотворения, в которую входит заносимое на карточку слово. Семен Афанасьевич с таким увлечением отнесся к своей мысли, внес столько энергии и энтузиазма, сумел с такой убедительностью показать значение этой работы, что это передалось участникам семинария, увлекло их, и работа двинулась быстрым темпом. Она еще более подвинулась, когда в ней приняли деятельное участие слушательницы Высших Женских Курсов. Благодаря общим дружным усилиям, было составлено громадное количество карточек. Нужно проверить работу, подверстать карточки в алфавитном порядке и сделать сводку, и словарь поэтического языка Пушкина в первой стадии будет закончен. Останется работа над черновиками и набросками Пушкина. Хотя словарь составлялся по изданию сочинений Пушкина, под редакцией Семена Афанасьевича, текст которого не может быть признан окончательно установленным, каноническим, эта работа, если бы была приведена в порядок и отделана, являлась бы, хотя не совершенным, но все-таки ценным вкладом в Пушкинскую литературу, очень нужным справочным пособием.

Более успешной в смысле завершения была вторая коллективная работа, предложенная Семеном Афанасьевичем участницам Пушкинского Семинария на Высших Женских Курсах, — составление библиографии произведений Пушкина, книг и статей о нем, появившихся в 1900 — 1910 г.г. Эта мысль также встретила сочувствие среди участниц семинария, и некоторые из них просмотрели выпускавшиеся в 1900 — 1910 г.г. ежегодно бывш. Главным Управлением по делам печати «Списки книг» и «Книжную Летопись», выписывая издания сочинений Пушкина и книги, в заглавии которых имелось имя Пушкина. Эта элементарная работа, конечно, была по силам каждой участнице семинария и не требовала особой подготовленности в

области библиографии. Более сложную работу — просмотр журналов взяли на себя две участницы семинария З. Н. Добреянова и Р. А. Кальтенберг. Они выполнили большую работу, просмотрели 45 журналов за 1900 — 1910 г.г., выписав на карточки не только статьи, специально посвященные Пушкину, но и вообще все статьи, в которых, хотя бы мимоходом, сказано или сообщено что-нибудь имеющее значение для изучения Пушкина. Дополнение этой работы слушательниц Высших Женских Курсов, систематизация и обработка для печати были поручены Семеном Афанасьевичем мне. Мною были использованы библиографические карточки и газетные вырезки Литературно-библиографического архива Семена Афанасьевича и различные библиографические труды, из которых была извлечена Пушкинская литература, и просмотрен непосредственно ряд книг общего характера, как, например: собрания сочинений критиков, сборники историко-литературных статей и т. п., весь материал систематизирован и подготовлен окончательно к печати. Таким образом, эта коллективная студенческая работа была доведена до конца и принята к напечатанию в издаваемом Академией Наук сборнике: «Пушкин и его современники», где и началась печататься в виде приложения, начиная с XXIX — XXX выпуска, вышедшего в 1918 г. Несмотря на то, что эта работа имеет недостатки, не лишена пропусков, она, несомненно, является ценным вкладом в Пушкинскую литературу: в области Пушкинской библиографии за 1900 — 1910 г.г. ничего цельного, сводного у нас не было, между тем в эти годы исследование Пушкина особенно двинулось, и они были одной из продуктивных эпох в его изучении. Таким образом, осуществилась мысль Семена Афанасьевича о возможности, при помощи молодых сил, выполнить работы, которые служили бы не только учебным целям, но и дали бы ценные, общепользные результаты.

Третьим, задуманным Семеном Афанасьевичем в начале 1913 г. коллективным делом, имеющим в виду сплотить всех участников семинария в дружную Пушкинскую семью, было издание сборников «Пушкинист». Как возникла у Семена Афанасьевича мысль об издании этих сборников, он рассказал в предисловии к первому из них (стр. VIII — IX): «Один из участников предложил издавать сборник всех рефератов, мотивируя это тем, что если рефераты и не представляют собою чего-либо нового в научном отношении, то,

все-таки, они объединяют отдельные моменты биографии Пушкина и, при бедности нашей Пушкинской литературы сводными работами, могут быть полезными, хотя бы в скромной роли работ популярных. Издание сборника в таком виде — печатания всех рефератов мне показалось неприемлемым. Но историко-литературный интерес некоторых рефератов побудил меня хлопотать о том, чтобы они увидели свет в академическом журнале «Пушкин и его современники». Я хлопотал только о тех рефератах, которые подходили к общему характеру академического журнала, внося что-нибудь фактически новое в изучение Пушкина. Но рядом с такими рефератами, в семинарии читались рефераты, интересные с чисто литературной точки зрения: либо талантливо написанные, либо затрагивающие те или другие эстетические вопросы, либо, напротив того, подходящие к предмету с точки зрения этической и т. д. Пристраивать такие рефераты в общие журналы, занятые интересами более злободневного характера да и располагающие сотрудничеством писателей, уже вполне сформировавшихся, мне казалось трудным делом. И вот как бы сама собою родилась мысль создать некий орган Пушкинских семинариев, в котором первые опыты научно-работающей и талантливой академической молодежи могли бы увидеть свет, себе в поощрение, соотвариям и читателям часто в бесспорное поучение». Когда в 1913 г. Семен Афанасьевич приступил к изданию «Пушкиниста», он имел в виду выпустить четыре сборника по 10 листов каждый. Доход со сборников, если бы они дали его, Семен Афанасьевич предполагал употребить частью на увеличение объема выпусков, частью на приобретение книг для библиотек Пушкинских семинариев. В первом выпуске, вышедшем в 1914 г. и заключающем в себе 16½ печатных листов, были напечатаны: I. Предисловие Семена Афанасьевича. II. Доклады: 1) А. Л. Бема — К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина, 2) А. С. Долинина-Искоза — «Цыганы» Пушкина, 3) Н. М. Колобовой — Природа в поэзии Пушкина и 4) В. А. Краснова — Байрон. III. Летопись Пушкинских семинариев: 1) Общий обзор занятий в Пушкинском семинарии при С.-Петербургском Университете за пятилетие 1908 — 1913 г.г., 2) Темы, предложенные Пушкинским семинариям в 1913 — 1914 уч. г., 3) Программа составления словаря поэтического языка Пушкина и 4) Список участников Пушкинского семинария при С.-Петербургском Университете (1908 — 1913 г.г.)

Первый выпуск «Пушкиниста» был встречен критикой в общем приветливо, довольно скоро окупился, и у Семена Афанасьевича явилась возможность приступить немедленно к печатанию второго выпуска. В этом выпуске, появившемся в 1916 г. в объеме $19\frac{1}{4}$ печатных листов, были напечатаны: I. Предисловие Семена Афанасьевича. II. Доклады: 1) Б. М. Энгельгардта — Историзм Пушкина. К вопросу о характере Пушкинского объективизма, 2) А. А. Тамамшева — Опыт анализа осенних мотивов в творчестве Пушкина, 3) А. А. Попова — Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII в. и 4) Ю. Г. Оксмана — Программа драмы Пушкина о паписсе Иоанне. К истории недовершенного замысла. III. Летопись Пушкинских семинариев: 1) Список участниц Пушкинского семинария при Петербургских Высших (Бестужевских) Женских Курсах (1910—1915 г.г.), 2) Список рефератов, прочтенных участницами Пушкинского семинария при этих Курсах, 3) А. С. Поляков — Пушкинский семинарий при Психо-Неврологическом Институте (1910—1914 г.г.), 4) Летопись занятий в Пушкинском семинарии при Петербургском Университете (1913—1915 г.г.) и 5) Второй список участников Пушкинского семинария при Петербургском Университете (1913—1915 г.г.). Выпустив второй выпуск «Пушкиниста», Семен Афанасьевич приступил к набору третьего, но быстрый рост типографских цен после революции остановил набор, сделал издание, рассчитанное на небольшой круг читателей, трудно осуществимым. Семену Афанасьевичу пришлось выпустить в 1918 г. третий выпуск «Пушкиниста» в сильно укороченном объеме — $4\frac{1}{2}$ печатных листа, напечатав в нем только то, что было набрано больше двух лет назад. В этом третьем выпуске напечатано предисловие Семена Афанасьевича и два доклада М. О. Лопатю: Повести Пушкина. Опыт введения в теорию прозы и Эпитеты XIII главы «Капитанской дочки».

Не ограничившись изданием «Пушкиниста», объединяющего участников Пушкинского семинария в трех высших учебных заведениях, как еще работающих в нем, так и уже окончивших эти заведения, Семен Афанасьевич задумал создать Общество изучения Пушкина и его эпохи, сплачивающее участников семинария и историков литературы вообще. Общество это было учреждено Семеном Афанасьевичем и группой участников Пушкинского семинария в конце 1915 г. под названием: «Историко-литературный кружок имени Пуш-

кина», причем намеченные ранее цели были значительно расширены, и задачей явилось не только исследование Пушкина и его эпохи, но и изучение вообще истории русской литературы XIX века и теории литературы. Первое заседание этого кружка состоялось 5 декабря 1915 г. С самого начала работа Кружка пошла очень живо, заседания привлекали большую аудиторию. За первые полтора года существования Кружка состоялось 22 заседания, на которых были сделаны 41 доклад как членами кружка — студентами и оставленными при университете, так и гостями — профессорами, приват-доцентами и внеуниверситетскими исследователями литературы. В январе 1918 г. Кружок был преобразован в «Историко-Литературное Общество имени Пушкина» при Петроградском Университете, превратившись из студенческого кружка в научное общество, членами которого могли быть все вообще исследователи литературы. К сожалению, тогдашние тяжелые условия петроградской жизни помешали расцвету Общества, и заседания его прекратились ¹⁾.

IV

Не будет преувеличением сказать, что все студенты Петербургского университета, любящие новую русскую литературу, интересующиеся ею, начиная с 1908 г., когда Семен Афанасьевич вступил в университет и до конца его жизни, группировались около него, были его учениками, не прошли мимо него. Это было обусловлено тем, что Семен Афанасьевич сумел создать на своих занятиях удивительно хорошую атмосферу, которая согревала, вызывала бодрое, радостное настроение, возбуждала к работе. Семен Афанасьевич привлекал студенчество не только, как ученый и профессор, но и как человек, друг молодежи. Когда говоришь о Семене Афанасьевиче, как профессоре, как руководителе студентами, невольно вспоминаешь другого друга молодежи — проф. О. Ф. Миллера, учеником которого был Семен Афанасьевич. В статье об О. Ф. Миллере, напечатанной

¹⁾ В комитет Кружка входили: С. М. Бонди, П. Е. Будков, Г. В. Маслов, Ю. Г. Оксман и Н. В. Яковлев. — Отчет о деятельности Историко-Литературного Кружка имени Пушкина, а затем Общества, см. «Пушкинист», вып. III, Пгр., 1918, стр. VIII — X.

в Энциклопедическом Словаре Брокгауз-Ефрона, Семен Афанасьевич особенно остановился на характеристике его, как профессора и друга университетской молодежи, нарисовав с большим уважением и любовью те его черты, которые были характерны и для самого Семена Афанасьевича, как профессора. Между ним и О. Ф. Миллером было много общего, и возможно, что он для Семена Афанасьевича был тем идеалом профессора, к которому он стремился, что многие черты Семена Афанасьевича, как профессора, сложились под влиянием О. Ф. Миллера. Но если это так, то несомненно, что эти черты могли развиваться потому, что коренились в общем духовном складе Семена Афанасьевича, который обладал высоко гуманной и любящей душой. Одной из самых характерных, главных черт его духовной природы была высокая душевная настроенность, нравственная чистота и чуткость. Другой очень характерной чертой нравственной физиономии Семена Афанасьевича являлась удивительная постоянная молодость и свежесть души. Я знал Семена Афанасьевича много лет, последние тяжелые годы материальных забот, недоедания, холода очень сказались на нем, он постарел телом, но не душой. Она до последних минут его жизни оставалась молодой, способной откликаться на все свежее, новое, до последнего вздоха его не покинули чуткость, жизненность и восторженность. Семен Афанасьевич очень любил молодежь, которой всегда был полон его дом, свой воскресный отдых он любил проводить среди своих детей, племянников и их товарищей и подруг, с которыми он умел найти что-то общее, сближающее. Всегда простой, ласковый, Семен Афанасьевич обладал удивительной способностью привлекать к себе людей, располагать их, особенно молодежь. Я всегда удивлялся тому, что Семену Афанасьевичу можно было легко, без душевного усилия поведать то, что трудно было бы сказать брату, сестре, товарищу. Это происходило потому, что Семен Афанасьевич умел понимать молодую душу, чувства и порывы молодежи, нежно относиться к ней, располагать ее к себе, влиять на нее.

Доброе отношение Семена Афанасьевича к молодежи, любовь к ней проявлялись прежде всего в заботах о научной и литературной работе студентов, его учеников. Он умел пробудить научные и литературные способности, поддержать их, развить, побудить к работе. Достаточно ему было подметить в студенте хотя какие-нибудь склонности к научной или литературной работе, хотя небольшой литера-

турный талант, как он прилагал все силы, чтобы это не заглохло, а стало бы расти и развиваться. Он всегда старался поощрить своих учеников, прилагая энергичные усилия к тому, чтобы их работы были напечатаны. Целый ряд работ своих учеников, имеющих историко-литературный характер и значение, вносящих что-нибудь фактически новое в изучение Пушкина, Семен Афанасьевич, как отмечено уже выше, устроил в издаваемый Академией Наук сборник «Пушкин и его современники», где были напечатаны и приняты для напечатания работы: А. Л. Бема, С. М. Бонди, В. В. Буша, Э. Н. Добреяновой, Н. К. Замкова, Р. А. Кальтенберг, Г. В. Маслова, В. П. Красногорского, В. Л. Комаровича, Ю. Г. Оксмана, А. С. Полякова, А. А. Тамашева, А. Г. Фомина, Н. В. Яковлева и др. Некоторым участникам семинария Семен Афанасьевич предложил написать статьи для редактируемого им издания сочинений Пушкина, где были напечатаны работы: С. А. Ауслендера, М. Л. Гофмана, А. С. Искоза-Долинина и А. Г. Фомина. Наконец, для печатания работ участников Пушкинского семинария Семен Афанасьевич создал, как указано выше, специальный издаваемый им сборник: «Пушкинист». Не ограничиваясь заботами о напечатании работ своих учеников, посвященных Пушкину и его эпохе, Семен Афанасьевич хлопотал о напечатании вообще историко-литературных, критических и др. статей своих учеников, пристраивая их в различные журналы. Некоторым журналам, как, например, «Заветам», Семен Афанасьевич рекомендовал несколько своих учеников, которые явились деятельными сотрудниками этого журнала, редактор которого Р. В. Иванов-Разумник охотно давал место молодым силам, внимательно и любовно относясь к ним. Заботясь о развитии научного и литературного дарования своих учеников, содействуя ему, поощряя его, Семен Афанасьевич искренне радовался их успехам в научной и литературной области. Приняв теплое участие во мне, Семен Афанасьевич всегда старался поощрить мою научно-литературную работу и энергично содействовал ей. В 1919 г. он надумал предоставить мне возможность читать лекции в Петроградском Университете и провести меня в состав преподавателей Историко-филологического факультета. Когда были оглашены благоприятные для меня результаты баллотировки, его лицо осветилось такой радостью, что на это обратили внимание даже окружающие colleg'i, сообщившие потом об этом мне. Не менее энергично

Семен Афанасьевич заботился о научных успехах и других своих учеников, стараясь предоставить им возможность читать лекции в университете, вывести их на широкую научную дорогу.

Заботился Семен Афанасьевич не только о научных и литературных успехах своих учеников, содействовал не только их деятельности в этих областях, но и принимал самое близкое и теплое участие в их частной жизни, в их жизненных неудачах и несчастиях. Он оказывал своим ученикам не только моральную поддержку, но и нередко материальную, помогая деньгами в тяжелую минуту жизни. Находясь часто сам в трудном материальном положении, так как его довольно крупные заработки обычно шли на его многочисленные научные и литературные предприятия и издания, не оправдывавшие даже в незначительной степени произведенных на них расходов, он старался изыскать другие пути для помощи своим ученикам. В 1916 г. я был призван на военную службу солдатом. Не успел я еще доехать до места моего первого назначения — запасного батальона, как Семен Афанасьевич принес моей жене деньги, которые он уже успел выхлопотать в Литературном Фонде. Не имея часто возможности помогать ученикам деньгами, Семен Афанасьевич устраивал их на службы, приискивал подходящие занятия, снабжал рекомендательными письмами и т. п. Всякое несчастье с его учениками, их невгоды встречали всегда живое сочувствие в любвеобильном сердце Семена Афанасьевича. Лишь только узнавал он о болезни кого-нибудь из близких его учеников, как немедленно посещал их, стараясь ободрить, утешить. В 1917 г., находясь на военной службе, я заболел вместе со своим соседом, у которого был обнаружен тиф, и лежал в госпитале. Так как характер моего заболевания давал врачам основание подозревать, что я заразился тифом, я был изолирован в заразную палату. И вот тогда, когда не только доктор, но и даже фельдшер, опасались заглянуть ко мне и только санитар по обязанности ухаживал за мною, Семен Афанасьевич, придя в госпиталь и узнав, что я в заразной палате, добился свидания со мною, мужественно пренебрег личной опасностью и пришел ко мне со словами утешения и любви. За участие в студенческих беспорядках весной 1911 г. были исключены из университета и высланы из Петербурга два талантливых ученика Семена Афанасьевича. Узнав об этом, он сразу же стал хлопотать за них, принял живое участие в их несчастии и старался

облегчить их положение во время ссылки. Такой же участи подвергся один мой товарищ - филолог. После административной ссылки его принимали обратно в университет по установленным Министерством Народного Просвещения правилам только при условии представления двух рекомендаций профессоров, что было невозможно выполнить, так как мой товарищ, арестованный вскоре после поступления в университет, не успел еще сделаться известным профессорам. Я рассказал об этом Семену Афанасьевичу, и он, почти не зная моего товарища, только что до ареста поступившего в Пушкинский семинарий и не успевшего еще ничем заявить себя, не задумался ни одной минуты и дал нужную рекомендацию, удостоверив в ней, что товарищ мой «дейтельно» работал в Пушкинском семинарии. Кстати прибавлю, что так же поступил и ак. А. А. Шахматов, принявший то же теплое участие в судьбе уволенных студентов, и мой товарищ был опять принят в университет, не обманул доверия Семена Афанасьевича и А. А. Шахматова, действительно работал в университете и успешно окончил его.

V

Семен Афанасьевич, как профессор и руководитель студентов, сыграл видную и благотворную роль, он сумел в нескольких поколениях студенческой молодежи возбудить серьезный интерес к литературе, любовь к ней, побудить к научной работе, привить научные навыки. И лучшим убедительнейшим доказательством этого служит то, что почти все работающие в настоящее время молодые теоретики и историки русской литературы XIX в. и пушкиноведы — ученики Семена Афанасьевича. Несмотря на это, все-таки, нельзя утверждать, что Семен Афанасьевич создал свою историко-литературную школу. Под этим нужно подразумевать усвоение учениками взглядов учителя на данную научную область и задачи ее изучения, усвоение его методов и приемов научного исследования. Этого не было. Многие из его учеников пошли иной дорогой, чем шел их учитель, стали сторонниками других взглядов на задачи истории литературы, других подходов к ее изучению, применяют иные методы, чем он, но, тем не менее, в той или иной степени, тем или иным они обязаны Семену Афанасьевичу и — я смело говорю — никто из них отрицать

этого не станет. Но если нельзя говорить о том, что Семен Афанасьевич создал свою историко-литературную школу, в строгом научном понимании этого слова, то, несомненно, он создал большую энергичную семью молодых исследователей истории русской литературы XIX века и особенно пушкиноведов.

В день похорон Семена Афанасьевича 17-го сентября 1920 г. после долгого ненастья вдруг неожиданно ярко засветило солнце; проводить его прах собралась масса молодежи—его учеников; их молодые лица придавали какой-то особый тон большой толпе, собравшейся на похороны. Это было как бы символом неугасимого света его прекрасной, любящей души, его неуываемой душевной молодости и свежести, говорило о том, что хоронили не только старого заслуженного русского писателя и ученого, но и истинного, до гробовой доски юного друга молодежи, который заслужил высокое звание профессора - человека.

Семен Афанасьевич жил не только на пользу науки и литературы, но и на радость людям, оставил след не только в науке и литературе, но и в сердцах людей. Один из героев повести Горького «Мать» говорит, что мы слишком торопимся сказать об умершем: «Он умер!», забывая, что остается сделанное и посеянное им. Эти слова невольно приходят на ум, когда говоришь о Семене Афанасьевиче. Трудно сказать о нем: «Он умер!», — трудно потому, что не только долго будут еще жить труды его, но долго будет жить и память о нем в сердцах тех, кто имел счастье знать его и работать в нем, особенно в сердцах его учеников, из которых очень многие лучшими своими стремлениями, помыслами и чувствами обязаны незабвенному, дорогому Семену Афанасьевичу.

А. Фокин.

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
СЕМЕНА АФАНАСЬЕВИЧА
ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНИСТ IV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. В. ЯКОВЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • ПЕТРОГРАД

1922